

А Х, КАК ОНА нужна, эта сцена, действие которой происходит спустя немногим более года после окончания войны с фашистской Германией в одной из деревенек нашей средней полосы!.. Нужна для точного и глубокого понимания событий, развертывающихся в пьесе Виктора Лаврентьева «Человек и глобус», пьесе, в подзаголовке которой автор поставил слова: «Драматическая хроника начала атомной эры». Но только в одной из пяти ранее виденных мною постановок этой пьесы — ленинградской — эта сцена присутствует. А вот теперь ожила она и в спектакле Малого театра, осуществленном молодыми режиссерами В. Бейлисом и В. Ивановым.

Можно ли при развитии сюжета обойтись без этой сцены? Вполне, без какого бы то ни было ущерба. Это соображение, видимо, и руководило постановщиками лаврентьевской пьесы в других театрах страны. Но для общего идейного звучания произведения сцена эта действительно нужна. Более того, остро необходима! В самом деле, война закончилась, но люди в деревне месяцами еще не видят сахара, белого хлеба и тем не менее не ропщут, понимая и сердцем, и умом историческую необходимость и переносимых народом лишений, и всех дейст-

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Спектакль «Человек и глобус»
в Малом театре

вий нашего государства. «Обратно войной начинает похавать», — говорит ученому Бармину, занятому разработкой проблем атомной энергии, а сюда захавшему поохотиться, председатель колхоза — инвалид войны Шербина. — ...Америка что, капиталом задавит... Шутка ли, одной бомбой целый город может выжечь. Но не верится, что мы поддадимся. Должно и у нас что-то найтись». Так резко обозначается в пьесе и спектакле тема ответственности ученого перед народом. Все нечеловеческое, казалось бы, напряжение его, Бармина, воли, таланта, ума, работа без сна и отдыха — все это в сравнении с лишениями и потерями народа, добровольно принимаемыми им во имя блага социалистического государства, кажется ученому каплей рядом с бескрайним океаном.

Исполнитель роли Бармина Е. Самойлов дает нам, сидящим в зрительном зале, почувствовать и понять, что именно этот разговор в деревне укрепляет в советском ученом-атомнике мысль о мирном использовании атомной энергии. Это приведет к невиданному подъему материальной и духовной жизни народа, который многим

жертвовал и продолжает жертвовать во имя победы.

Образ Бармина — центральным образом пьесы, наиболее подробно и глубоко разработанный писателем. Автор рисует своего героя и как ученого и философа, и как политика и гуманиста. На наших глазах проходят почти два десятилетия жизни Бармина, и от сценического воплощения этого образа зависит успех спектакля в целом. Многие удалось Е. Самойлову постичь и передать в характере своего героя, прообразом которого послужил выдающийся советский ученый И. В. Курчатов. Более всего удалось актеру раскрыть черт ученого, человека пытливого и интенсивной мысли. Темперамент мысли, ее мгновенная воспламеняемость, ни на секунду не затихающая активность — все это пленяет, захватывает в Бармине — Е. Самойлове.

Пьеса воссоздает образы, с одной стороны, ближайших помощников Бармина в его научном поиске, а с другой — крупных государственных деятелей, которым партия доверила организацию исследовательских работ в области атомной энергии, создание атомной промышленности.

Очень серьезно, с глубоким проникновением в духовный мир талантливого молодого ученого играет А. Эйбоженко Цветкова. Этот человек под стать Бармину. Та же пылкость и неуспокоенность мысли, та же увлеченность, одержимость научным поиском. Избегнув соблазна сыграть этаного чудаковатого ученого, так сказать, не от мира сего, актер создает образ человека незаурядного, выделяющегося среди окружающих своей необычностью, не показной, естественной оригинальностью.

Глубокой внутренней жизнью живет старый ученый-биофизик Ракитский в сценическом воплощении В. Владиславского. Трудно сложилась судьба этого человека. Но никакие испытания не в состоянии сломить его дерзновенный дух. Пристально вглядывается он в жизнь, в людей, настойчиво ищет или подтверждения своих догадок и выводов, или их опровержения.

Одна из самых значительных работ спектакля — образ наркома Гришанкова, созданный П. Константиновым. Образ человека огромного обаяния, рождаемого глубиной и масштабностью его мыслей, одержимостью

тем делом, которое доверено ему партией, государством. Чувство же юмора, в высокой степени присущее П. Константинову, позволяет этому выдающемуся мастеру сцене сыграть Гришанкова человеком простым, понятным каждому из сидящих в зрительном зале. Гришанков более чем кто-либо другой из действующих лиц пьесы живет проблемами всего государства и всей планеты. Но как раз в силу того, что в этом образе мысль и чувство сплавлены воедино, наиболее полно и глубоко, проблемы эти оказываются и нам близкими, понятными, остро волнующими.

Полностью веришь и В. Веснину, играющему роль генерал-полковника Зуева. Это тоже фигура незаурядная, человек масштабов крупных, для которого дела страны и народа стали его неотъемлемыми, личными делами. Актер, неожиданно заявивший о себе свежим и убедительным воплощением роли Алексея в «Оптимистической трагедии», продолжает утверждать себя в роли так называемого социального героя. Что же касается юмора, то в этом спектакле, как и у П. Константинова, он является актеру верным помощником.

Доброго слова заслуживают многие участники спектакля: и Г. Карнович-Валуа (чекист Охотин), и Г. Киришина (сотрудница научного института Вернова), и Э. Марцевич (молодой ученый Черданцев), и другие.

В постановках лаврентьевской пьесы, которые мне довелось видеть ранее, наиболее уязвимым местом являлось исполнение ролей реальных исторических деятелей — Рузвельта, Черчилля, Трумэна, Гопкинса. Симферопольский драматический театр имени М. Горького отказался от задачи их воспроизведения на сцене, заменив портретными кинокадрами и изложением их высказываний по радио. Ленинградский театр драмы имени А. С. Пушкина вообще исключил эти образы из спектакля, но ввел в него троих ведущих, дав им документальный публицистический текст. Театр достиг при этом большой выразительности и убедительности. Малый театр сохранил лишь одну сцену разговора Рузвельта и Гопкинса о далеко идущих планах мирового господства Америки. В ряду других сцен, рисующих наших классовых противников, эта сцена в пьесе естественна и закономерна. В спектакле же

она выглядит несколько обособленно, хотя Е. Велихов в роли Рузвельта очень точен и убедителен.

Пьеса, представляющая собой историческую хронику, почти начисто лишенная конкретных примет человеческого быта, рассматривающая жизнь людей преимущественно вне сферы их личных, интимных взаимоотношений, чрезвычайно трудна для постановки. То обстоятельство, что Малый театр, сохранив сцену разговора Бармина с колхозниками, поступил точнее некоторых других театров, обратившихся к этой пьесе ранее, вовсе не свидетельствует о значительном превосходстве московского спектакля над всеми остальными постановками.

Я говорю об этом, обеспокоенный не тем, кто кого в чем превосходит и кто кому в чем уступает, а мыслью о том, что не слишком ли медленно и долго шла пьеса В. Лаврентьева, одна из лучших пьес последнего времени, на столичную сцену? Но хочется, чтобы театры столицы, по которым, естественно, равняются сценические коллективы всей страны, проявляли большую смелость в воплощении пьес, определяющих сегодняшнее лицо нашей драматургии, никому не уступали бы права быть их первооткрывателями.

Юр. ЗУБНОВ.

«Московская правда» 7 апр. 1948.